

УДК 821.09-3+398.21(100)

Образ Золушки в восточных и западноевропейских сказках

Л. Пханаван

Пханаван Латсадапхон, аспирант кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет, amphone7@yahoo.com

В статье анализируется образ Золушки в восточных и западноевропейских сказках. Дается сопоставительный анализ внешних и внутренних характеристик героини, проводится связь между сказками и их мифологическо-ритуальной основой, изучаются тотемические мотивы персонажей.

Ключевые слова: Золушка, сказка, Перро, братья Grimm, Базиле, тотем, ритуал, золотые башмачки.

The Image of Cinderella in the Fairy-Tales of Western Europe and the East

L. Phanavan

Phanavan Latsadaphone, <https://orcid.org/0000-0002-0488-0442>, St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia, amphone7@yahoo.com

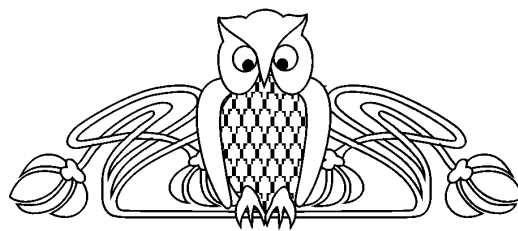
The article discloses the images of a fairytale character Cinderella in the literary heritage of Western Europe and the East. The comparative analysis of the character's external and internal qualities is carried out, the relation between fairy tales and myth-ritual basis is ascertained, totemic motives of the characters are examined.

Keywords: Cinderella, fairytale, Perrault, Grimm, Basile, totem, ritual, golden shoes.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-196-200>

Изучение сказочных сюжетов является увлекательным занятием и одновременно представляет собой одно из наиболее востребованных направлений в сравнительном литературоведении. История про золушку – одна из самых известных в мировой литературе. Сюжет этой сказки, по классификации Аарне – Томпсона (Aarne – Thompson)¹ относится к типу «преследование героини» – так называемый 510 А: притесняемая в доме падчерица получает от покойной матери (крестной-феи) или каких-либо животных чудесный дар (красивое платье и башмачки), в девушку влюбляется принц, она прячется, ее узнают по башмачку.

На сегодняшний день известно более тысячи модификаций данной сказки. Впервые на Востоке китайская сказка про золушку появляется в IX в. н. э., именно тогда ее внес в свой сборник «Всякий разносол из Ю-яна» китайский литератор Дуань Чэньши (803–863). В Европе сказка о Золушке появляется значительно позднее, в сформировавшемся виде она публикуется дву-

мя авторами в XVII в.: итальянцем Дж. Базиле («Кошка-Золушка», 1634) и французом Ш. Перро («Золушка», 1697). В XIX в. свою обработку фольклорного материала предлагают немецкие сказочники – братья Grimm.

В статье мы обратимся к изучению образа золушки в восточном и европейском литературном наследии. Для анализа «азиатского» варианта золушки нами было отобрано четыре сказки: чжуанская (народная) «Сиротка», китайская (народная) «Е-сянь»², тайская «Золотой бычок»³ (автор – король Сиам Рама II (1767–1824)), лаосская «Золотая черепаха»⁴ («Сказание Аунг Сана о маленькой черепахе», автор неизвестен, возможно, житель Исана). Каждая из выбранных сказок по-своему необычна и интересна, в каждой отражены культурно-психологические особенности национального характера.

Отличительной чертой всех сказок о золушке является прекрасный внешний облик главной героини. Например, в чжуанской сказке изначально постулируется, что девушка Татиа исключительно красива, и этот фактор играет решающую роль, поскольку мачеха мстит ей именно по причине природной красоты падчерицы. В китайской сказке героиня Е-сянь, когда предстает перед глазами своего суженого, тоханьского вана, в шелковом платье с перьями зимородка, оказывается «видом словно небожительница»⁵. Внешние черты тайской Ыай и лаосской Уттхакэу в целом совпадают с чжуанским вариантом. Итальянка Цеццола, получившая впоследствии прозвище Кошка-Золушка, обладает «невероятной красотой»: встретивший ее на балу король находит ее ослепительной, «словно солнцу»⁶, и тотчас влюбляется. Золушка Ш. Перро пленяет сердце не только принца, поскольку и прибывшие на бал «гости невольно загляделись на незнакомую красавицу»⁷. Братья Grimm создали образ своей героини также необычайно привлекательным, ибо принц влюбился в прекрасную незнакомку на балу с первого взгляда и протанцевал три вечера подряд исключительно с ней.

Вместе с тем внешняя привлекательность героини соответствует ее внутренним добродетелям. Все варианты сказок указывают на послушание, трудолюбие, добросердечие и исключительную скромность девушки. Например, Ш. Перро сообщает о своей Золушке, что та была «на редкость кроткая и ласковая» и «сто раз милее своих разряженных сестриц»⁸. А Татиа в чжуанской сказке весьма хозяйственна

и любит чистоту. Это неоспоримое достоинство помогает душе девушки, сохранившейся в одном единственном побеге бамбука, вернуться в мир людей: живя в доме у старой волшебницы, материализовавшаяся героиня прибирается в ее жилище, и в благодарность старица оставляет ее навеки в человеческом обличье. Аналогичный сюжетный ход можно встретить и в лаосской сказке о Золотой черепахе: там героиня Уттхакэу после насильственной смерти превращается в айву, но в виде оборотня-девы входит в дом благочестивых старцев, помогая им по хозяйству, после чего в благодарность старики чудесным образом дарят героине новую жизнь среди людей.

Еще одним достоинством всех золушек является терпеливость и исполнительность. Все героини очень сострадательны и незлобивы: по достижении высокого положения никто из них не мстит своей мачехе за притеснения и кровные обиды, хотя, к примеру, Е-сянь очень переживала по поводу несчастной участи своей подруги золотой рыбки, которую втайне от девушки сварила ее приемная мать, а лаотянка Уттхакэу вообще теряет свою матушку из-за козней второй жены отца. Вот и европейской Золушке Ш. Перро изрядно доставалось от дочерей мачехи, но она сумела их простить от чистого сердца, не причинив им никакого вреда.

Но все же кое-кто из героинь не так уж безропотно относится к своей участи. Например, Татиа способна по справедливости поступить со своей сестрицей за свою неоднократную гибель (европейскому читателю не стоит удивляться такому сюжетному повороту, потому что ближний метемпсихоз в восточной сказке считается явлением заурядным). Героиня в конце своих испытаний дает наущение сестре, как той преумножить свою красоту, по выполнении которого девица умирает в муках, что влечет смерть от горя и мачехи. В немецком варианте Золушка, пусть и косвенно, выступает в качестве злого рока в судьбе своих сестриц: на свадьбе главной героини голубки выклевают девицам глаза с той же легкостью, с какой они выбирали клювами чечевичные зерна, когда помогали своей госпоже в изнурительных домашних обязанностях, навязанных по воле родственников.

Практически все золушки являются мастерицами в каком-либо деле. Чжуанская Татиа хорошо прядет, китайка Е-сянь «искусна в добыче золота»⁹, что говорит о ее развитых навыках, усидчивости, старательности и необычайной удачливости. Тайская Ыай обладала изящным вкусом и была мастерицей в рукоделии, поэтому после своей метаморфозы (буддийский монах превратил ее из попугайчика в человека) сплела для своего мужа царя Бороматхата такой красоты венки, что через него он сумел опознать свою, казалось бы, потерянную навсегда супругу. Цеццола и Золушка братьев Гримм умело ухаживали

за чудесными деревьями, так что они стали исполнять их сокровенные пожелания.

Умение обращаться с родовой магией является отличительной чертой героинь, что неизбежно направляет наш литературный анализ к проработке мифологической составляющей сказки и ее ритуальной основы, так как лингвисты полагают, что мифологическая семантика весьма близка к сказочной. О том, что сказка о золушке произрастает из мифа, свидетельствует распространенность сюжетов волшебной сказки о браке с тотемным существом, о дарении женой мужу некоей удачи, о традиционных брачных испытаниях (что соответствует сюжетам 400 и 425 по упомянутой в начале статьи классификации Аарне – Томпсона). Антропологи утверждают, что миф рассказывает о событиях сакрального прошлого и строится на ощущении сопричастности к мифическому первопредку-тотему, который в представлении носителей культа является создателем родовой группы как людей, так и животных/растений, поэтому обе эти группы считаются родственными по сущности и по происхождению. В связи с этим тотемы обладают двойственной природой, принадлежат одновременно и миру животных/растений, и миру людей, вследствие чего являются посредниками между указанными группами в разрешении нарождающихся противоречий и проблем¹⁰.

Все героини восточных сказок наделены мистической способностью общаться со своими родственниками-тотемами. Так, Татиа в чжуанской сказке могла разговаривать со своей матерью, превращенной в буйволицу (священное животное в индийской мифологии), а также прилетевшей ей на смену помощнице-вороне. Этнологи на сей счет поясняют, что у ряда народов палеоазиатской группы (у чукчей, коряков, камчадалов) ворона, она же Ворон, до настоящего времени считается творцом Начальных Времен, выступая одновременно и первопредком, и культурным героем¹¹. Ворон также теснейшим образом связан брачным ритуалом (заключение обменного брака с неродственными группами). В чжуанской сказке ворона ниспосылается предками Татиа с целью защиты от нападков мачехи-колдуньи и устройства ее счастливой супружеской жизни, что подтверждает тотемный статус этой птицы. Ворона помогает девушке быстро справиться со всеми поручениями мачехи, а также учит подопечную магии на костях, рекомендует ей закопать останки буйволицы-матери под банановым деревом, откуда в день праздника песни девушка смогла извлечь нарядное платье и башмачки, которые ей помогли удачно выйти замуж за сына вождя племени. Неслучайным представляется и выбор растения: судя по всему, пернатый друг посоветовал девушке схоронить кости буйволицы в корнях дикорастущего банана, именуемого в тайском языке «клуай тани». По тайскому преданию, именно там проживает

лесная фея-дух Тани, родовой предок некоторых таеязычных групп. Тайцы носят амулеты с обликом лесной феи Тани и повязывают зеленым шелком стволы этого дикорастущего растения как бы в дар ее хозяйке¹², что опять-таки говорит о родовых отношениях с этим божеством. Фея леса помогает всем хорошим людям. Можно предположить, что она не обделила своим вниманием и несчастную девушку Татиа, превратив буйволовые кости в свадебный наряд.

Аналогичной способностью обладают и другие восточные золушки. Китайка Е-сянь общалась со своим духом рода У, к которому она принадлежала, а именно с загадочным человеком с распущенными волосами, одетым в рубище, весьма напоминающим даосского монаха, обретшего бессмертие. Он-то ей и раскрыл секреты родовой магии, сообщив, как воспользоваться останками любимой ею золотой рыбки, чтобы те стали волшебным средством (которое помогло ей со свадебным нарядом). Тайка Ыай разговаривала с золотым бычком, в которого вселилась душа ее матери, а далее утка помогла своему родовому потомку вырастить из костей рыбки священное дерево Бодхи, где окончательно обрела покой душа матери героини. Лаотянка Уттхакэу смогла заговорить с золотой черепахой, инкарнацией ее матери. Черепаха также почитается у народов Юго-Восточной Азии первоматерью, лежащей на дне глубокого океана, от ее телодвижений зависит состояние воды – штиль или буря. Поэтому неудивительно, что душа матери вселилась в тотемное животное. Но когда черепаха погибает, на помощь девушке приходит еще один тотемный предок в виде собаки.

В ритуальном плане собака является особенным животным. У народностей мяо и яо (обитающих в гористой местности Таиланда, Лаоса, Вьетнама, Южного Китая) собака может использоваться в качестве сакральной жертвы богам, заместителя человеческой жертвы¹³, что сближает этот ритуал с мифологической первоосновой. Все эти народы почитают в качестве своего первопредка именно собаку, а точнее сказать, медведеобразного пса, которого китайцы величают Пань-гу. По легенде, данный мифозой появился из яйца, а после смерти из различных частей тела Пань-гу возникло все окружающее человека мироздание¹⁴. Собака Пань-гу по своим типическим функциям является тотемным первопредком, обладающим чертами культурного героя.

Вот почему именно собака подсказывает Уттхакэу, как из костей черепахи возродить дух матери в виде дерева Бодхи. Представляется, что дерево Бодхи в данном случае контаминирует с другим деревом этого рода фикусовых – баньяном. *Ficus bengalensis* является священным древом как у тайцев, так и лаосцев. Так, в тайской поэме «Кхун Чанг, Кхун Пхэн» баньян символизирует судьбу главных героев – деревья вянут, если посадившие их «хозяева» заболевают, и даже гиб-

нут, когда герои умирают¹⁵. Это произведение перекликается с тайской и лаосской сказкой: когда главную героиню убивают злокозненные родственники, то дерево Бодхи также находится на грани гибели.

Интересно отметить, что и в европейском варианте сказки прослеживается тема общения золушки с родовыми животными и растениями. Например, в итальянской версии Цецолла общается с голубкой, которая при встрече с ее отцом князем предстает как девушка, «красивая, словно знамя вознесённое»¹⁶. За добрую память и признательность (имеется в виду почитание безвременно ушедшей матери девушки) фея дарит Цецолле: 1) волшебное средство – побег финиковой пальмы; 2) прилагающееся к волшебному средству заклинание, позволяющее им воспользоваться, и инвентарь в виде «золотой мотыжки, золотого ведёрка и шёлковой нити – всё для того, чтобы посадить и возделывать пальму»¹⁷; 3) свои волшебные способности, с помощью которых героиня облачается в роскошные наряды для праздника¹⁸. Пальмовый побег через четыре дня благодаря заботе Цецоллы превращается в пальму ростом с женщину, из которой выходит фея-даритель с типическими для сказки функциями родовой охранительницы. Фея-голубка дарит героине наряды на праздник, в том числе итальянский башмачок-пьянелла, с помощью которого в конце сказки героиня будет узнана королем.

В сказке братьев Grimm родовым деревом оказывается орешник, который вырос на могиле матери, орошаемой горькими слезами Золушки. Лещина у многих европейских народов связывалась с миром усопших родственников, а на святочную неделю (фестивальная основа ритуала) по углам дома разбрасывались ветки орешника для «кормления» предков¹⁹. К родовому орешнику прилагался тотем-помощник, в качестве которого выступала «белая птичка», прилетающая на это дерево всякий раз, «когда Золушка ей высказывала какое-нибудь желание», при этом «птичка сбрасывала ей то, о чём она просила»²⁰. У белой птички были и другие товарищи – голубки и горлилки, помогавшие Золушке справиться со сложными поручениями на кухне и подсказавшие суженому принцу, кому в действительности принадлежал золотой башмачок, упавший с ноги героини.

Лишь в сказке Ш. Перро у Золушки нет родовых помощников в виде животных или растений, но родственные отношения в делах магии все же появляются. На помощь Золушке в решении вопроса о ее удачном замужестве приходит фея, которая по совместительству является ее крестной матерью. Она дарит девушке праздничный наряд вкуче с хрустальными туфельками, она же дает карету с экипажем и свитой.

Следует отметить и говорящие имена золушек. Так, Татиа с чжуанского переводится «Си-

ротка». Тайская Ыай (ไฉ่) буквально обозначает «Старшая Сестрица», ибо у нее имелись две младшие сестры от второй магушки. Утххакэу (อุทัย) или же более древний вариант Уса переводится с санскрита ни много ни мало как «Сияние Утренней Зари», что, безусловно, демонстрирует ее необычайные душевные качества. Однако китайская золушка Е-сянь (葉限) – это просто имя, как какая-нибудь русская Наташа, и особого значения не имеет. Итальянская Цецолла (Zezzolla) также является непереводаемым именем, зато ее прозвище La Gatta Cennerentola соответствует пониженному статусу и означает «Кошка-Золушка» в знак того, что ночевала она в лохмотьях у очага и выполняла по дому всю черновую работу. В сказке Ш. Перро и братьев Grimm у героини нет имени, дается только ее прозвище Золушка, что вполне можно рассматривать как «замарашка».

Как в восточных, так и западных сказках героиня становится царицей (принцессой) благодаря башмачкам, поскольку узнавание по предмету является одним из характерных сказочных мотивов. Универсальный миф о чудесной туфельке, лежащий в основе подобных сказок, тесно взаимосвязан со священными обрядами продолжения рода. В стародавние времена обувь в свадебных обрядах как символ означала помолвку или саму свадьбу. Разделение пары обуви могло как предвещать разлуку для влюбленных, так и быть связанным с поиском суженого.

Вместе с тем во всех сказках, где одним из чудесных предметов является башмачок (или сплетенный венок), где имеется сюжетный ход с «мнимой невестой» (в «Сиротке», «Золотом бычке», «Золотой черепахе», в сказке братьев Grimm) и где проводится карнавальная тема (в чжуанской сказке встреча Татиа с сыном вождя проходит во время зимнего обрядового праздника, китайская золушка Е-сянь теряет башмачок во время зимнего фестиваля, все европейские золушки блистают на королевском балу и там же теряют туфельку), читатель обнаруживает традиционные брачные испытания.

В этой связи интересно отметить, что мифологическая семантика, вплетенная в канву восточной сказки, сохраняет некоторые онтологические связи с племенными/народными верованиями и ритуалами: «наследие обрядов посвящения», по В. Я. Проппу, связанное с жизненными испытаниями героев, является важнейшей частью сказочного сюжета²¹. Подобные обряды «в еще большей степени свойственны волшебным сказкам, которые в отличие от мифов заведомо нацелены на судьбу индивида»²², как на это указывает Е. М. Мелетинский. Он считал, что брачный обряд, имплицитно составляющий основу сказки о Золушке, вполне укладывается в схему переходного ритуала, поскольку последний предполагает установление связей с

другим родом и сопровождается испытаниями, аналогичными тем, которым подвергаются герои мифов. Собственно говоря, тяготы и перипетии жизни восточной золушки весьма напоминают путь культурного героя: те же испытания на выносливость, страдания, овладение мудростью, временная смерть, контакт с духами, новое рождение²³. В связи с этим интересно отметить, что К. Леви-Стросс оригинально характеризовал брачный ритуал как родовой «податель» жён, поскольку, пройдя через череду испытаний, героиня в конце концов вручает себя «получателю», коим должен стать ее суженый²⁴. На инициационный характер испытаний героини указывает и факт того, что гонителем выступает близкий родственник отец/мачеха, которые оказываются в конце концов побеждены героиней.

Все золушки в восточных сказках находятся в непрерывном общении со своими тотемными родственниками и вместе с тем сами, подобно культурным героям-первопредкам, проходят испытания, умирают, перерождаются, приобретают силу и мудрость, т. е. претерпевают некоторые трансформации, подобно их тотемным первопредкам. Однако процесс демифологизации диктует снижение героя до запредельного уровня парии, заставляя героиню не просто быть отверженными в своей семье, но и пройти через утопление, сварение в кипятке, сжигание в пламени, превращение в птицу, бамбук, айву. Но все же, как бы судьба ни пыталась рассеять золушек в прах в прямом и переносном смысле, они оказываются в силах возвратиться в мир людей и воссоединиться с любимым, заняв причитающуюся их красоте и таланту социальную позицию.

Как можно было заметить, основные внутренние качества золушек, которые подчеркнуты как в восточных, так и в европейских сказках, составляют доброта, сострадательность, незлобность, трудолюбие и исполнительность. Им сопутствует и внешняя привлекательность – необычайная красота, способная очаровывать не только обычных людей, но и принцев, что является особенно важной характеристикой, поскольку речь идет о матримониальном церемониале. На этот остов нанизываются разнообразные сказочные элементы в соответствии с культурно-историческими условиями, религиозными верованиями, обычаями и нравами. В восточных сказках героиня обладает способностью к метемпсихозу ближнего круга общения, т. е. к скорейшему перерождению в родовых птиц и растений, которые могут оставаться в поле зрения их возлюбленных (что в принципе является магистральной функцией тотема). Кроме того, у восточной золушки ярче прослеживается способность к мистическому общению с природой и потусторонними силами вследствие более развитых анимистических представлений народов Восточной и Юго-Восточной Азии. В европейских сказках преобладает социальный момент

в виде благородства манер и изысканности как символа высокого происхождения Золушек. Однако в какие бы одежды ни рядилась золушка – восточные или европейские, – сказки учат, что красота, помноженная на природную доброту и трудолюбие, воздадутся сторицей, а добро найдет дорогу к счастью, какие бы преграды ни стояли на его пути.

Примечания

- 1 См.: Сказки народов мира. Указатель сказочных сюжетов. URL: <http://skazka.mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000045/st111.shtmlm> (дата обращения: 02.04.2018).
- 2 См.: Е-сянь – Хуйгуня из 9-го века (пер. А. Крисского). URL: <https://magazeta.com/2011/05/huigunya> (дата обращения: 09.12.2019).
- 3 См.: กวีตาดนอมงาม. ปลาปู่ทอง (ฉบับการ์ตูน) นิทานพื้นบ้าน. – ศูนย์หนังสือแห่งจุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2011. Здесь и далее текст сказки цитируется в нашем переводе.
- 4 См.: พัชรพงษ์ปัญจบุรี. นิทานเพื่อการเรียนรู้ภาษาไทยสำหรับเด็กน้อยองค์. – สำนักส่งเสริมศิลปวัฒนธรรมมหาวิทยาลัยเชียงใหม่, 2013. Здесь и далее текст сказки цитируется в нашем переводе.
- 5 Е-сянь – Хуйгуня из 9-го века.
- 6 *Базиле Дж.* Цеццолла // Сказка сказок, или Забава для малых ребят / пер. с неап. П. Епифанова. СПб., 2016. С. 99.
- 7 См.: *Перро Ш.* Золушка / пер. с фр. Т. Габбе, А. Любарской // Сказки Шарля Перро. М., 2013. С. 53.
- 8 Там же. С. 44.
- 9 Е-сянь – Хуйгуня из 9-го века.
- 10 См.: *Мелетинский Е.* Поэтика мифа. М., 2000. С. 179.
- 11 Там же. С. 175.
- 12 См.: Nang Tani. URL: https://wn.com/nang_tani/wikipedia (дата обращения: 21.10.2019).
- 13 См.: *Стратанович Г.* О ранних верованиях древних китайцев (тотемизм) // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. LXI. М., 1963. С. 65.
- 14 См.: *Мелетинский Е.* Указ. соч. С. 203.
- 15 См.: *Афанасьева Е.* Буддизм тхеравады и развитие тайской литературы XIII–XVII веков. М., 2003. С. 34.
- 16 *Базиле Дж.* Цеццолла. С. 97.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 98.
- 19 См.: *Максимова А.* Жертвоприношения и каннибализм : настоящая сказка о Золушке. URL: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/stil-zhizni/zhertvoprinosheniya-i-kannibalizm-nastoyashchaya-skazka-o-zolushke/> (дата обращения: 21.10.2019).
- 20 *Братья Гримм.* Золушка / пер. с нем. Э. И. Ивановой // Братья Гримм. Полн. собр. сказок : в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 123.
- 21 См.: *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 37–40.
- 22 *Мелетинский Е.* Указ. соч. С. 227.
- 23 Там же. С. 226.
- 24 См.: *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1999. С. 324.

Образец для цитирования:

Пханаван Л. Образ Золушки в восточных и западноевропейских сказках // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 196–200. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-196-200>

Cite this article as:

Phanavan L. The Image of Cinderella in the Fairy-Tales of Western Europe and the East. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 196–200 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-196-200>